

Надежда Чванова

Грусть моя
исповедальная

Стихи

Русское эхо
2014

Чванова Н.Н.

Ч 33 Грусть моя исповедальная: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2014. — 112 с.

ISBN 978-5-904319-

«Грусть моя исповедальная» — четвёртая книга поэтессы из Сызрани Надежды Чвановой. Предыдущие три: «На крыльях судьбы», «Сквозь призму жизни», «Обретая свои берега» — выходили в Самаре в 2006, 2008 и 2010 годах.

Творчество поэтессы представляли журналы «Наш современник» (Москва), «Невечерний свет/infiniti» (Санкт-Петербург), «Русское эхо» (Самара), альманахи «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород) и многие другие литературно-художественные издания России.

ISBN 978-5-904319-

© Чванова Н.Н., 2014.

© Русское эхо, 2014.

Возрождённая строка

В литературе бытует мнение, что Урал и Сибирь благоволят прозаикам, а Волга — покровительница поэтов. И не столь потому, что редкий поэт — вне зависимости: живёт он на Волге или вдали от неё — избег в своём творчестве размышлений об этой реке. А потому что у каждого поэта Волга, естественно, своя. И когда поэт пишет о Волге, он фактически, так или иначе, пишет о себе. Стало быть, стихи о Волге, как и, по аналогии, стихи о Пушкине, в определённом смысле стихи «тестовые» для творчества того или иного автора. Стихи, которые могут сказать гораздо больше об авторе, нежели даже он сам об этом думает. И что же говорят, и о чём свидетельствуют «волжские стихи» поэтессы из старинного волжско-самарского города Сызрани Надежды Чвановой? Поэтессы из единственного в своём роде города Самарской области, ибо Сызрань — город «кремлёвский» и в силу того особо статусный. Думаю, никто не станет спорить, что город «кремлёвский» отличается от «не-кремлёвского» не только принадлежностью в допетровской эпохе и более глубокой укоренённостью. Кремль, так или иначе, будь он в Коломне или Тобольске, уже как бы предполагает некий особый пиетет по отношению к городу, где таковой имеется. Обывательски это выражено в мнении, что город с кремлём по определению и культурнее, и обладает более глубокой исторической памятью. Культурологи, думаю, найдут этому другие, более научные обоснования, но сейчас не об этом. А о том, как Волга и старинная культура города преломляются в творчестве автора, являющегося детищем обоих. Стихотворение, которое я процитирую ниже и которое могу назвать едва ли не титульным в этой книге, лишний раз подтверждает неисчерпаемость волжской темы. Сколько ни говори — много не будет, автор этой книги права!

О Волге сколь ни сказывай —

Не завершится сказ.

Она такая разная,

Чудесная у нас.

*Заворожит просторами
Воды, текущей вдаль,
И за семью затворами
Останется печаль.
Порой взбунтует волнами —
И буря на душе.
Но речку уговорами
Не усмирить уже.
В часы такие вспомнятся,
Наверно, ей века,
Когда гуляла вольница
Шального Ермака;
Да баржи многотонные
Тянули бурлаки
И оглашали стонами
Окрестности реки.
И всё-то Волга видела,
И всё перенесла,
И, как ни удивительно,
Все тайны сберегла...
И, утопивши горести
Былые в глубине,
Нам тихо шепчет повести
О дивной старине.*

Есть стихи о Волге-императрице, о Волге — собирательнице русских земель и рек. А у Надежды Чвановой стихотворение о Волге-труженице, былинной сказительнице, в своих глубинах крепко, не напоказ, хранящей память веков. А ещё оно о Волге — благодарной дочери, усвоившей уроки предков. Такова по сути и есть героиня большинства стихов поэтессы из Сызрани Надежды Чвановой. Такова, по сути, если вчитаться в её стихи, поэтесса Чванова. Ведь мы только думаем, что пишем о Волге. А на самом деле — мы пишем о себе. И тут важно, что процесс этот взаимный: не только мы пишем и всякий раз «переписываем» Волгу. Но и Волга пишет о нас в меньшей степени, а может — и в большей степени. Это отношения родственной взаимности, не всегда безоблачные, но только такими, взаимными, и могут быть отношения по определению. Односторон-

них отношений не бывает в принципе! И в стихах Надежды Чвановой в очень сильной степени выражен вот этот принцип родственных общающихся сосудов — общающихся меж собой пространств, веков, людей, рек.

А любые настоящие отношения простыми не бывают. Толерантность хороша, но как часто она становится просто синонимом равнодушия. А настоящие стихи могут вызывать любовь, протест, даже гнев, но главный признак: они не оставляют равнодушными. Таковы стихи Надежды Чвановой. Но вернёмся к той Волге, которая есть в каждом из нас и которая присуща автору этой книги. Общеизвестно, что Волга начинается с небольшого родника в Тверской области. Начинается с небольшого ручейка — несмелого и поначалу робкого, пробивающего дорогу в жизни. Таковы трогательные стихи-ручейки о детстве, по сути составляющие базовый фундамент этой книги, тоненькой с виду, но весьма весомой по содержанию.

*Ах, травы времечка счастливого!
Настой вдыхаю ваш густой.
Обжечься сочною крапивою
Готова я ногой босой.
А лебеду — меня с головушкой
Она тогда укрыть могла —
Легко представить мне лебёдушкой
Со взмахом светлого крыла...*

...С течением времени, как и с течением воды, Волга начинает прирастать притоками, порой весьма «ндравными». Ряд забавных случаев был у меня в ходе творческих командировок по волжским городам, когда писатели то Нижегородской области, то Татарстана пытались убедить меня в том, что «ещё неизвестно, кто куда впадает». В Самарской области, где я живу на данный момент, никаких сомнений, «кто куда впадает» нет и быть не может: самарская Волга настолько «волжская», что никакие реки-притоки вроде самарских Сока, Самарки, Кривуши, Татьянки и проч. не могут претендовать на «самостийность». Несколько другая ситуация выше по течению. К примеру, на Нижегородчине. Помнится, когда мне показали стрелку слияния Оки с Волгой, то писатели-нижегородцы попутно заметили, что Волга, конечно, хороша, но очень даже возможно, что

вовсе не Ока впадает в Волгу, а совсем даже наоборот, т.к. Ока в месте стрелки-соединения-объятия двух великих русских рек гораздо глубже Волги. Я не стала спорить... Но много позже, с течением времени, и чуть ниже по течению реки, а именно в Татарстане я столкнулась с похожей ситуацией. Стояла на берегу полноводной красавицы Камы. И коллеги из Татарстана говорили что-то в духе того, что это не Кама — эвон какая широкая и могучая, что было сущей правдой! — впадает в Волгу, а с точностью до наоборот! На этот счёт даже существует старинная легенда о разладе между реками-сёстрами Камой и Волгой, когда Кама не пожелала «обняться» со старшей сестрой, претендуя на некую свою исключительность. Но я тогда подумала, что при всех этих странностях — «кто в кого впадает» — та река, что остаётся после «объятия-слияния» двух рек, называется всё-таки Волгой! А отнести все эти разговоры можно на счёт подросткового «течения» реки, когда она ещё только пытается самоидентифицироваться. И ситуация похожа на одно из стихотворений Надежды Чвановой.

*А помнишь, мы с тобой на подоконнике
Сидели, пили с вишнями компот,
Болтали о твоих, моих поклонниках.
И не было у нас иных забот?..
Казалось: жизнь легка до невозможности,
Ведь чувства не коснулись нас всерьёз.
И не для нас пока решений сложности,
Подушки, ночью мокрые от слёз.
Всё это впереди... Но миг беспечности
Мне памятен так ярко до сих пор,
Когда могли с тобой до бесконечности
Смотреть в окно, неся милейший вздор.*

И хотя тут ни слова не сказано о Волге и Кам, или Волге и Оке, но те две «подружки», что, почти как сёстры, болтают друг с другом, поневоле напоминают некое равенство, которое потом скорректирует жизнь, ибо равенства в природе, как бы ни стремились к нему люди, просто не существует. Все реки равны, но Волга — равнее! Но вот только понимаем мы то лишь с годами, с течением той реки жизни, что питают и наши слёзы, и русские дожди:

*Шлёп, шлёп, шлёп — за окошком дождь,
Как мальчишка беспечный, шалый.
Разбудил меня — ну и что ж!
Может, мне его не хватало?
Может, он оживить пришёл
Озорства моего крупицы?
Ну и ладно, и хорошо...
На мгновенье сомкну ресницы
И представлю: шлёпаю я,
Непокорная всем девчонка,
Удовольствия не тая,
Вслед за дождиком чётко-чётко.
Капли смело вперёд бегут.
Лужи тёплые по лодыжку...
Как же кстати сегодня тут
Ранний дождь — озорной мальчишка!*

Кто из нас не был озорником в юности — у того нет сердца. Кто остался им в зрелости — у того либо нет ума, либо... присутствует поэтический талант! Хотя тот же русский поэтический Гений однажды обронил:

*Блажен, кто смолоду был молод.
Блажен, кто вовремя созрел.*

Зрелость — это не преодоление неизбежных искушений, это знание, как юность — сомнение, а детство — доверие. К чести автора этой книги — все эти этапы роста души человека представлены в рамках одной книги. Представлен неизбежный юношеский этап изгнания из «рая детства», когда вдруг человек остаётся один на один с неудобным этим миром и пытается как-то обжить его:

*Свинцовые тучи, гонимые ветром,
По небу текли и текли
Так низко, что не оставалось просвета
Меж ними и кромкой земли.
И вдруг, разорвав, словно тяжкие путы,
Сплошное полотнище туч,
Открылся на краткие чудо-минуты
Диск солнца, суров и могуч.*

*И плавиться начал, как в огненном горне,
Светила коснувшийся мрак.
Огромные тучи оплыли покорно,
Разжали свинцовый кулак.
И мне показалось всё это знаменьем
Восхода добра над землёй,
Которой Господь даровал озаренье,
Отвергнувши наволоку злой.*

Только попытка обжить мир миром может считаться человеческой. Ведь Господь, наказавший людей за непослушание, тем не менее не оставил их без утешения. И плод, некогда ставший причиной искушения и изгнания из рая, теперь знаменует один из Господних Спасов.

*О, яблоня с плодами сочными,
Тебе — мой искренний восторг!
Связь ветки с яблоками прочная
От веса их ослабнет в срок.
Когда же будут падать спелые
И разольётся аромат,
И разлетятся брызги белые,
Я пожалею их стократ.
Плоды снимая, их прилежно я
В корзину счастья стану класть,
Чтоб сохранить такую нежную,
Такую истинную сладость!*

Связь плода, питавшегося соками родимой ветви-матери, постепенно, по мере взросления, по мере неуклонного течения жизни, ослабевает. Но зато в плоде не может не крепнуть чувство корневой сопричастности, таковы осенние зрелые плоды. Только их крепкая память о корне и истоке делает их столь прочными в хранении. Хотя, конечно, садоводы объяснят это другими научными причинами... Надежда Чванова предпочитает объяснения «неправильные» с «научной» точки зрения, объяснения — лирические, философские и исповедально-профессиональные.

*Грусть моя исповедальная
Незатейливой строки.*

*Я тебя, как эхо дальше,
Как туман, смахну с руки,
Что подвластна сердцу нежному,
Очарованному вновь
Этой осенью безгрешною,
Возвратившею любовь.
Нитью свяжутся единою
Осень, сердце и рука.
И откроет радость дивную
Возрождённая строка!*

Конечно, это книга-исповедь. Отсюда прозрачность и достоверность интонации, которые являются одними из самых сильных сторон творчества Надежды Чвановой. Пусть эта книга найдёт достойного читателя. Она того заслуживает!

Диана Кан,
поэтесса

Стёжка

Пью воздух Родины своей,
Дурманный, с лёгкою горчинкой.
Под шум берёз и тополей
Среди лесов, лугов, полей
Иду заветною тропинкой.

Ведёт, петляя, стёжка та
В просторы матушки России,
Туда, где мир и чистота,
Где сбудется моя мечта,
Где злоба и вражда бессильны.

Не растерявши чувств в пути,
Не изменив надежде светлой,
Смогу ли счастье обрести
И в сердце Родины найти
Живой исток любви ответной?

Земля

То весёлая, то грустная —
Перелески да поля.
Ты во всём такая русская,
Наша милая земля.

Умываешься ты росами.
Вроде не о чем тужить.
Всё же мучаюсь вопросом я:
Как, земля, нам дальше жить?

И земля мне вдруг ответила:
— Сколь дадите мне тепла,
Чтобы грустно или весело,
Но я всё-таки цвела,

Столько буду людям верною
Не на годы — на века.
Не губила б только скверною
Чья-то грубая рука

Эти милые, неброские
Перелески да поля.
И всегда, умывшись росами,
Улыбаться буду я.

Воробышек

Наполнилось сердце печалью
Намокших осенних кустов...
А где-то за дальнею далью —
Кайма золотых берегов.

Ах, если б мне там оказаться,
Где купол небес голубей...
Но ветки — что стылые пальцы.
Нет птиц — лишь один воробей.

Тебе ли здесь мёрзнуть, пичуга?
Ведь крылышком стоит взмахнуть —
Увидишь все прелести юга,
Забудешь ненастную грусть.

Чирикнул в ответ возмущённо
Воробышек в зыбкую тишь:
— Под небом я этим рождённый.
Куда от него улетишь?!

Царь

Иван четвёртый, Грозный царь
Деянья с временем сверяет.
И православный храм в алтарь
Врата золотые отворяет.

Гроза монгольская прошла,
И Русь вздохнула полной грудью.
И вознесли колокола
Благую весть над светлой Русью.

С тех пор взирает грозно царь
На тех, кто заслоняет солнце.
А вдруг взмахнёт мечом, как встарь?
И кто из нас тогда спасётся?

Пропасть

Рассвет вставал июньский ранний.
Ещё кому-то снились сны.
Но вестью горести бескрайней
Звучали струны тишины.

Она уже, наверно, знала:
Её война вот-вот взорвёт.
И всё ж пока не прерывала
Последних мирных снов полёт...

Неотвратимую и страшной
Явь пробуждения была:
Меж настоящим и вчерашним
Как будто пропасть пролегла.

Упали миллионы жизней
В ту пропасть страшную войны,
Чтоб, крест поставив на фашизме,
Мы вновь смотрели мирно сны.

Дошёл до Берлина

И радость Победы салютом гремела.
И весть от бойца из Берлина летела:
«Я жив, дорогая. Вернусь непременно».
И бешено счастье бежало по венам.

Бойца дожидалась родная сторонка...
Но следом за вестью пришла похоронка:
Он пал смертью храбрых десятого мая,
С отрядом остатки врагов добивая.

И счастье по венам бежать перестало:
Его так безжалостно смерть растоптала.
...А с фото родное лицо говорило:
Лет сто буду жить, коль дошёл до Берлина.

Среди ветров полынных

Ударит дух полынный,
И я — во власти дум
О временах былинных,
О тех, что вновь грядут.
Как тонкая тростинка,
Стою средь бытия.
Трепещет паутинка,
Как нить незабытья,
Меж будущим и прошлым.
А я — сегодня, здесь.
И только о хорошем
Хочу расслышать весть
Среди ветров полынных,
Волнений ковыля:
О том, что чистых ливней
Дождётся всё ж Земля.

Сказ о Волге

О Волге сколь ни сказывай —
Не завершится сказ.
Она такая разная,
Чудесная у нас.

Заворожит просторами
Воды, текущей вдаль,
И за семью затворами
Останется печаль.

Порой взбунтует волнами,
И буря на душе.
Но речку уговорами
Не усмирить уже.

В часы такие вспомнятся,
Наверно, ей века,
Когда гуляла вольница
Шального Ермака;

Да баржи многотонные
Тянули бурлаки
И оглашали стонами
Окрестности реки.

И всё-то Волга видела,
И всё перенесла,
И, как ни удивительно,
Все тайны сберегла...

И, утопивши горести
Былые в глубине,
Нам тихо шепчет повести
О дивной старине.

Самара

Ах, Самара, мой милый город!
Довелось тут родиться мне.
И не раз находился повод
Быть с тобой на одной волне.

Вольным ветром насквозь пронизан,
Вновь и вновь зазывал к себе.
Хоть и занят своею жизнью —
Ставил метки в моей судьбе

Перехлестом трамвайных линий,
Необъятностью площадей —
Всем, что помнится мне, наивной,
До сегодняшних лет и дней.

Надежда

Я свечу зажигаю
В светлом храме души.
Книгу жизни листаю,
Повторяя в тиши:

— Здравствуй, ангел крылатый,
Берегущий от бед...
День рожденья когда-то
Мне предрёк мудрый дед,

Имя выбрал такое,
Настояв на своём,
Чтоб во время любое
Помогало во всём!

Благодарна я деду:
Даже в сумерках дня,
Знаю, выведет к свету
Вновь Надежда меня!

Звуки детства

Нет, не объять вселенной многозвучий.
В душе моей их доброе родство.
И, слава Богу, слышу я певучесть
Негромких звуков детства своего.

Со мной они и в счастье, и в печали.
Чего ещё на свете мне желать?..
Наверно, с ними колыбель качали
Взрастившие меня отец и мать.

Пока будет можно

Отцу

Вот пальцы, которым совпасть легко
С моими: они похожи.
Но трав не потрогать, ведь в их покой
Ступить он уже не сможет.

А я ступаю в него и дышу
Настоями трав, и вольный
Их дух, как могу, до него доношу,
Чтоб только умерить стоны.

Разлив по ладоням травинок сласть,
Касаюсь его ладоней..
Пока будет можно им вновь совпасть,
Его забытьё не тронет.

Слёзы

*В память
о погибшей сестре Леночке*

Твои волосы пахли рекой.
Ты ей вдоволь тогда надышалась.
И настиг тебя вечный покой,
А меня — беспросветная жалость

К безысходности доли твоей,
К безнадежности девичьей грёзы...
Колыханье плакучих ветвей
И на воду упавшие слёзы —

То ли ивы, а то ли мои...
Унесла их река роковая.
Но как волосы пахли твои,
Помнить буду до самого края.

Дети

Неладен мир, где дети брошены,
Где им тепла недостаёт...
И раскатились, как горошины,
Тая в сердцах обиды лёд,

По детдомам, вокзалам, улицам.
А те, кто должен их любить,
Наверно, вовсе не волнуются,
Что меж сердцами рвётся нить.

Нет, слава Богу, дней, печалющих
Большими жертвами войны,
Нет грандиозного пожарища,
Где семьи были б спалены.

Так отчего же, люди милые,
Гневите Господа опять,
Бросая тех, кого и силою
У вас не должно бы отнять?!

Старики

Ещё зима. Заснежено селенье.
Причал замёрзший дремлет у реки.
Но ждут весну с надеждой и терпеньем,
Родимых мест не бросив, старики.

Разъехались по белу свету дети:
Мир перед ними широко открыт.
И кто теперь отца и мать приветит,
Кто их своим вниманьем ободрит?..

Но грянет ледоход на тихой речке,
Расколет небо первая гроза,
И старики присядут на крылечке,
Устало щуя добрые глаза.

И взоры устремят они к причалу,
Стряхнувшему тягучесть зимних дней,
До мелочей припомнив, как встречал он
Тех, кто милее всех им и родней.

Ах, только бы и в этот раз дожждаться!
Мольба и неподдельна, и ясна.
Горюют старики, ведь может случиться,
Что это их последняя весна.

Святой источник

Посетить случилось мне
Вновь Святой источник*,
Где в блаженной тишине —
Мыслей средоточье

О духовном, дорогом...
Я узнала давний
О заветном, о святом
Сказ исповедальный.

Тут стоял когда-то скит.
Под молитвы Божьи
Пласт земли был вдруг пробит
Родниковой дрожью.

С той поры несёт родник
Свет земного солнца.
Кто к воде его приник,
Тот сюда вернётся.

* Источник «Святой» находится в Саратовской области — на территории Хвалынского национального парка.

Крещенская ночь

Бубенцы заливисто и нежно
Под дугою расписной звучат.
Сани по дороге зимней, снежной
Сквозь мороз и ветер лихо мчат!

Кони их несут к святой купели,
Где целебный дар хранит вода,
Где, как над Христовой колыбелью,
Таинства чудесная звезда.

К этой тайне причастимся нынче.
Чудеса откроет щедро ночь.
Омовенья радостный обычай
Враз отринет все невзгоды прочь.

И помчат ещё резвее сани.
А навстречу в дымке января —
Нет для сердца ничего желанней —
Светлая крещенская заря!

Купель

Звёзды светят над купелью,
Тайну праздника храня.
И к бодрящему веселью
В речке манит полынья.

В эту ночь вода — святая,
Искупаться стоит в ней.
Все печали вмиг растают,
Станет на душе светлей.

Словно вновь она родится,
Лучезарна и чиста.
В ней чудесно отразится
Образ светлого Христа!

Вербное

Не царём всевластным и не воином
Шёл Господь наш в Иерусалим.
Он готов принять был смерть достойную,
Чтобы люди праздновали с ним
Светлое Христово Воскресение,
Чудом происшедшее потом...
Словно свечи, вербочки весенние
Светятся в желании простом:
Иисуса трепетно приветствовать
За его провидческий тот шаг...
С вербами согласна я. И — светлая —
К тонким веткам тянется душа.

Медовый спас

Улетают ласточки*
К островам тепла.
Провожают празднично
Их колокола.

Сладко-перезвонные,
Как медовый Спас,
Что волною новою
Омывает нас.

Оттого и радостно:
Вновь Господь помог —
Лето дал прекрасное,
Подоспел медок.

Проводил вас празднично
В путь медовый Спас,
Чтоб Господь вас, ласточки,
От несчастий спас.

Знамение

Свинцовые тучи, гонимые ветром,
По небу текли и текли
Так низко, что не оставалось просвета
Меж ними и кромкой земли.

И вдруг, разорвав, словно тяжкие путы,
Сплошное полотнище туч,
Открылся на краткие чудо-минуты
Диск солнца, суров и могуч.

И плавиться начал, как в огненном горне,
Светила коснувшийся мрак.
Огромные тучи оплыли покорно,
Разжали свинцовый кулак.

И мне показалось всё это знаменьем
Восхода добра над землёй,
Которой Господь даровал озаренье,
Отвергнувши наволоку злой.

Подорожник

Подорожник, подорожник —
Спутник солнечного дня.
Залечить мне раны сложно,
Так врачуй же ты меня!

На листке, как на ладошке,
Линии судьбы легли,
Предлагая без оплошки
Отыскать свою в пыли.

Кто ещё наметить может
Направление пути?
Без тебя, мой подорожник,
Мне по жизни не пройти.

По российским по дорогам
Ты ладошки распростёр.
Знать, не зря подарен Богом
Этот нам с тобой простор.

Травы детства

Ах, травы времечка счастливого!
Настой вдыхаю ваш густой.
Обжечься сочной крапивою
Готова я ногой босой.

А лебеду — меня с головушкой
Она тогда укрыть могла —
Легко представить мне лебёдушкой
Со взмахом светлого крыла.

С годами травы пуще прежнего
Напоминают детства даль.
В их милой сердцу безмятежности
Мои и радость, и печаль.

Облака

Плывут неспешно облака
Над тихим лугом.
Какая сладкая тоска
Томит округу!

И проникает в душу мне,
Врезаясь в память
Отрадой августовских дней,
Что не оставят

Среди увядшей красоты
Воображенье.
И не разрушатся мосты.
По ним с волненьем

Душа к восторгу облаков
Взметнётся сладко,
Томленье тихое лугов
Впитав украдкой.

Ночной дождь

Весёлый, летний, бесшабашный,
Сегодня ночью дождь прошёл,
Как будто вымыл день вчерашний,
Чтоб вспоминался хорошо.

По-детски струи я ловила,
Ладони выставив в окно.
И хорошо на сердце было
От опьянявшей, как вино,

Пришедшей свежести, ведущей
В мир чистых дум и давних грёз,
Где я казалась простодушной,
Где в сказку верила всерьёз.

Сверчок

Звенит сверчок в тиши вечерней
Морзянкой лета среди лугов,
Такой на удивленье верной,
Передающей всё без слов:

Природы сладкое томленье,
Шептанье полусонных трав
И новых зорь предвосхищенье,
Чей так лучист и светел нрав.

Успокоительной волною
Сверчок звучанье в сердце льёт.
А значит, лето стороною
Меня никак не обойдёт.

Зной

По небу плавно плыло лето,
Касалось трепетно рукой
Закатов знойных и рассветов,
Перекликаясь за рекой

То с иволгой, то с кукушкой...
Вот мы увидели уже
Его цветастую макушку.
И — свет восторженный в душе;

И чувства наши — на вершине...
Как страшно падать с высоты!
Однако знаю: зной остынет,
Но не остынут в нас мечты.

Запах

Конечно же только летом
Запах такой бывает —
Сплетённый с солнечным светом,
Который себя проливает

На всё, что под ним в отраде
Цветёт, красоту даруя.
Нельзя с восхищеньем сладить,
Увидев лучей струи,

Скользящие меж ветвями,
Разлившиеся в травах
Янтарными озерцами,
Где можно в мечтах плавать.

И запах вдыхать безмерно
Настоянного лета
По лучшим рецептам верным
На золотинках света.

Утренний кофе

Летнее утро. Окно — нараспашку.
Свежестью полнится дом.
Кофе, дымящийся в маленьких чашках,
Неторопливо мы пьём.

Радуют раннего утра прохлада,
Душ наших близость с тобой,
Тихое счастье в улыбках и взглядах,
Светлый и милый покой...

Пусть закружатся осенние листья,
Пусть и зима подойдёт.
Всё же в сердцах будет радостно длиться
В тёплое лето полёт,

Где на рассвете окно — нараспашку,
Свежестью полнится дом,
Кофе, дымящийся в маленьких чашках,
Неторопливо мы пьём.

Пион

Ах, как сладостно пахнет пион,
Словно юность прекрасная, ранняя!
Распускается нежный бутон —
Начинаются с летом свидания.

Словно странствий начало начал
В ароматном цветенье заложено.
Кто и где свой отыщет причал?
Всем на свете своё наворожено.

Наслаждайся, вдыхай аромат,
И по лету — до осени — в плаванье!..
Но не будет пион виноват,
Коль не встретишь ты ласковой гавани.

Лето

За собой позовёт опять
В разноцветье просторов лето.
И опять стану я гадать
По его золотым рассветам,

Чтоб узнать, сколько даст любви
Лето мне, на ладонях счастье
Протянув и сказав: порви
С будней серостью в одночасье;

Сколько милых сплетёт венков
Из ромашек и мне подарит
Так, чтоб каждый из лепестков
Был с моею любовью в паре.

Второе дыхание

Второе дыхание лета,
Второе дыхание моё.
Как часто, первым согреты,
Дыханьем вторым живём.

Оно воскрешает сердце
И рушит легко мосты
Меж тем, чем не обогреться
У пропасти немоты,

И тем, что устам дарует,
Как чувственный поцелуй,
Ту, летнюю, сладость вторую
С живительным током струй.

Яблоки

О, яблоня с плодами сочными,
Тебе — мой искренний восторг!
Связь ветки с яблоками прочная
От веса их ослабнет в срок.

Когда же будут падать спелые
И разольётся аромат,
И разлетятся брызги белые,
Я пожалею их стократ.

Плоды снимая, их прилежно я
В корзину счастья стану класть,
Чтоб сохранить такую нежную,
Такую истинную сласть!

Звездопад

Кончалось лето:
Звёздными дождями
Пыталось приукрасить свой уход.
Мы блики света
Жадными горстями
Ловили, чтоб отречься от невзгод.

Друг другу в малом
Уступали снова,
Преодолев горячность знойных дней.
В их ритме шалом
Были мы готовы
Не вспоминать, кто нам всего родней.

Увлёк с собою
И вернул на землю
Нас этот сумасшедший звездопад,
Своей любовью
Неземной объемя
Всех, кто ему был рад или не рад.

Полоска света

Меня не преминула обмануть
Уведшая из радостного лета
В осеннюю задумчивую грусть
Полоска ускользящего света.

Летела вслед за ней, как мотылёк,
На золотой огонь октябрьских листьев.
И вот октябрь от красок изнемог,
А я остановилась поразмыслить:

Зачем так торопилась убежать
Из молодой поры, где буйство цвета?
Чего мне от предзимья ожидать?
Ответишь ли ты мне, полоска света?

Но та скользнула на ветвях нагих
И замерла в загадочном тумане.
Теперь манить, наверное, других
Неясным светом в осень жизни станет.

Дуб

Не порадует нынче красками
Летом высохшая листва.
Одарить не сумеет ласково
Осень, дышащая едва

Тем привычным своим дыханием,
Что идёт от горчащих чар.
Хорошо, что осенним пламенем
Не займётся лесной пожар!

Но уронит, быть может, в руку мне
Свой листок величавый дуб,
Медным жёлудем, а не фруктами,
С детства каждому дорог, люб.

И взаимное почитание
Я душой уловлю тогда,
И в осенние дни печальные
Буду вновь приходить сюда.

Август

Опять пахнуло чем-то уходящим,
Хоть и стоят погожие деньки.
И я живу уже не настоящим,
А грустным ожиданием тоски

По этим дням, что дарит август, нежась,
В себе соединяя так легко
Листвы — ещё зелёной — безмятежность
С увядшим опадающим листком.

По небу, словно угождая лету,
Плывут пока не тучи — облака.
Знать, лето не стремится кануть в Лету,
Чтоб дольше не пришла ко мне тоска.

Осенняя вязь

А осень подкралась лисицей,
Взяв хитростью сердце в полон.
И лето мне больше не снится:
Осенняя вязь — словно сон.

Недавние стихли печали,
Что позднего августа дни
Щемящей волной разливали:
За дымкою скрылись они.

Исполнена непостоянства,
Душа возжелала опять
Нежнейшей прохладой пространства
С былым наслаждением дышать.

Сполна предоставила осень
Мгновения сладкие ей:
Небес просветлённую просинь,
Златую отраду полей,

Багрянец торжественный листьев,
Летящую сеть паутин...
И даже без хитрости лисей
Свет осени так ощутим!

Дожди

Ну что ж вы зарядили так непрошено,
Осенние и нудные дожди?
Хотела полюбить я дни хорошие,
Но как туда тропиночку найти?

Меж струями брожу я леденящими.
А в дом зайду — они стучат в окно
Тоскливо, неприютно и навязчиво.
Почувствовать им, видно, не дано:

Совсем не их ждала душа горячая,
От лета не успевшая остыть...
И мечется скиталица незрячая,
Не ведая, кого теперь любить.

Не вас ли, в эту пору так неистово
Слезой проникающие в грудь?..
Нет! Небушка дождусь лучисто-чистого
Уж как-нибудь. Поверьте, как-нибудь...

* * *

С чего-то расплакалась осень,
Дождями поля окропя.
А мы её даже не спросим:
Кто ж это обидел тебя?

Обижены в дни эти сами —
Печаль ощущаем в душе,
Которую скрыть под зонтами,
Увы, не удастся уже...

И лишь для поверивших в то, что
Ненастий пройдёт череда,
На небе мерцающей точкой
Осенняя вспыхнет звезда.

* * *

На минуту представлю, что всё хорошо:
Нет ни горя во мне, ни печали.
И октябрь (как же нынче он быстро прошёл!)
На прощание лёгкою шалью

Из туманов, сплетённых с густой тишиной,
Мне окутает зябкие плечи.
На душе теплота разольётся волной...
И пойду вновь судьбе я навстречу.

Что она припасёт, бедолага моя,
Знать ли?.. Но попрошу я у Бога,
Чтобы льдом не покрылась зимою земля
У родного до боли порога.

Забвенье

И вот уже последняя листва,
Что деревья ещё вчера венчала,
Упала наземь. Неба синева
Сквозь ветви на неё глядит устало.

На этом, на развенчанном витке
Природы, на ковёр из листьев палых
Ступаю меж деревьев налегке,
Так далека от всяких идеалов.

Порастерялись мысли и слова.
Безмолвное осеннее забвенье.
Оно сейчас, как тонкая канва,
Определяет каждое мгновенье.

И только сердца жалобный аккорд
Уносится куда-то в поднебесье...
Но тих и безответен небосвод,
Забывший звуки даже грустных песен.

Всё хорошо

Может быть, завтра и сбудется
Дождь, что накликал прогноз.
Нынче же полнится улица
Светом осенних берёз.

Полнится птиц щебетанием,
Передающим восторг,
Чистых небес ликованием.
И не предвидится торг

Между мгновеньями осени
И предстоящей зимой.
Листья берёзы не сбросили.
Всё хорошо и со мной.

Напоследок

Вот и пролился запоздалый свет
Над полуоблетевшею листвою.
И тополь с непокрытой головою
Безмерно рад, что будет им согрет.

Пусть напоследок, пусть совсем чуть-чуть.
Не молод же. Как зиму одолеет?
На солнце кратком тихо-тихо млеет,
Расправив спину, развернувши грудь...

Ах, если б уходящий за черту
И человек способен был бы слиться,
Хоть на мгновенье, с солнышка частицей,
Дарованной ему за доброту!..

Ноябрь

Ноябрь торжественно и чинно
Застыл в преддверии зимы.
В нём нет волнений беспричинных
И бесполезной кутерьмы.

Надменен взор, объятая хладны,
Но этой строгостью своей
Он впечатляет! Безвозвратно
В свой мир уводит от страстей...

Я растворюсь в его дыханье,
Понятным станет мне вполне
Небес суровое молчанье
В предзимней жгучей тишине.

* * *

Морозы грянули,
А снега нет.
Ветрами рьяными
Декабрь раздет.

Он стонет, мается.
В душе — пурга.
И где скитаются
Его снега?..

Придут, родимые,
И вьюги тут
Кафтаны зимние
Из них сошьют.

Настанет очередь
И декабря...
Но щурит очи он
Покуда зря.

Первый снег

Первый снег —
Невесомое покрывало
Наземь брошено.
Свой побег
Из обыденности усталой,
Им предложенный,

Я приму.
Чистоту вдыхая глотками,
Как невольница,
В снег шагну.
Словно сросшийся с облаками,
Он запомнится!

Зиму всю
Белизны не случится ярче
И отраднее.
Пронесу
Этот миг, светлых чувств не пряча,
Над прохладой.

Тайна января

...А за шторкой притаилась
Тайна января.
Если он проявит милость,
Год пройдёт не зря.

Так народные приметы
Издавна гласят...
За окошком ярким светом
Звёздочки горят.

Вот одна мне подмигнула,
Волшебство даря,
И тихонечко вздохнула
Тайна января.

Знает: буду под защитой
Звёздочки родной —
Обойдут меня обиды
Где-то стороной.

Февраль

В нём кроется зародыш пробужденья.
И в неподвижность наших зимних чувств
Внезапно прорывается смятенье,
Которого я вовсе не боюсь.

Напротив, принимаю сердцем чутким,
Предощущая вешних дней порог,
Заслышав потаённую побудку
Средь заметённых всё ещё дорог.

И невесомый, еле уловимый
Посыл весенний в воздухе ловлю.
И за него, такой непостижимый,
Я говорю спасибо февралю.

Зимний день

Как быстро тает зимний день!
Поднявшись невысоко, солнце
Уходит незаметно в тень.
И только отсвет остаётся

Полоской, желтоватой чуть,
Над горизонтом стылым, спящим...
А сердце наполняет грусть:
Ещё один денёк погасший

Ушёл за белые снега,
В их бездну канув, стал незримым.
Не возвратится никогда
Он к нам — такой неповторимый...

Но завтра встанет новый день
В заре холодновато-звёздной.
И чувства уведёт под сень
Такой же красоты морозной.

* * *

А февраль-то выдался морозный.
Захотелось, видимо, зиме
Проявить опять характер грозный
Вопреки грядущей кутерьме

С шалыми весенними лучами,
С талою бегущею водой...
И тревожусь я теперь ночами:
Сбудется ль желаемое мной

Солнечное, светлое мгновенье,
Где, уставший от лихих дорог
И освобождённый от смятений,
Ступишь ты, родной мой, на порог?

* * *

И опять зимним играм азартно
Предаётся вовсю ребяшня,
Бесконечным задором дразня.
Как же мне их веселье понятно!

С ними мысленно мчусь я на санках
С ледяной высоченной горы.
И залиvistый смех детворы
Приникает целительно к ранкам,

Что на сердце моём и в душе
Ненароком оставили годы.
Но от них я сегодня свободна —
В разделённом с детьми кураже.

В дороге

Метель. А я в дороге дальней.
И ничего волшебней нет,
Чем промелькнувший моментально
Глухого полустанка свет,

Чем белоснежная пустыня
И ощущение в груди,
Что это чудо не покинет,
Что нет, как нет конца пути.

Что затерявшейся частицей,
На хлопья глядя из окна,
С метелью вместе мне кружиться,
Пока не кончится она.

Цветы на окошке

Цветы на окошке.
Морозные стёжки
К нему потаённо ведут
И вдруг замирают.
Цветочки сверкают:
Любовь ненаглядная тут.

Она и зимою
Горячей душою
Согреет сердечко твоё.
Зайдёшь на часочек —
Любой лепесточек
Забыть не позволит её.

И где бы ты ни был,
Цветочных улыбок
Волшебный проявится свет
В душе беспечальной —
И стёжкою тайной
Проляжет к окошку твой след.

Снегири

Весною ранней снегири
На ветки сели. Что за прелесть!
Как будто искорки зари
На них нежданно загорелись.

И было мне знаменье в том:
Исчезнут в сумраке холодном
Тревоги, полнящие дом, —
Я наконец вздохну свободно.

И розоватая заря
В окошки нежно заструится.
Ведь появляются не зря
Такие схожие с ней птицы.

В мартовскую метель

Средь мартовской лучистой сини
Порой мелькнёт неяркий день,
Когда вдруг небо опрокинет
На снег подтаявший метель.

Она совсем уже не злая,
И можно сквозь снежинок рой,
От них шутивно убегая,
Увидеть облик молодой.

Быть может, лишь воображенье?
Но явно запах уловим
Той, чьё чудесное вторженье
Мы всей душой боготворим.

И тем острее ощутимы
За этой снежной кутерьмой
Зимы уход неотвратимый
И встреча скорая с весной.

Весеннее пробуждение

И вдруг растаяла, растаяла
В груди щемящая тоска,
Сменилась непонятной тайною,
Вдаль позвала издалека.

Весны желанными аккордами
Всё переполнилось кругом.
И о себе напомнил гордыми
Раскатами далёкий гром.

За долгосрочное терпение,
За жуть нещадных холодов
Он одарил меня прозрением:
Не вечно оцепленье льдов.

Они растаяли, растаяли,
Как в сердце горькая печаль.
И я уйду тропинкой тайною
В меня окликнувшую даль.

Март – апрель

Тридцатый день — уже приятелем
Март мне в окно глядит с утра.
А серый снег по старым вмятинам
Лежит — не выгнать со двора.

Апрелю, видимо, достанется
Огрехи марта исправлять.
А он и ткань ещё на платьница
Деревьям должен припасать.

И как помочь мне другу юному
В свершенье стольких важных дел?
Усердно эту думу думаю,
Прошу у солнца ярких стрел.

Они, горячие, могучие,
Решат борьбы с зимой исход.
Апрель по этакому случаю
Поднимет чарку талых вод!

* * *

Разнообразием нестрогим
Пронизан вешний календарь.
Неутомимые дороги
Наметил мне в сквозную даль.

Пускай сейчас пора распутия
И на распутье я стою.
Весны начало, ты прелюдия
Того, к чему строку стремлю,

К чему душою прорастаю,
Как к солнцу новая трава,
Чтоб жизни истина простая
Была и в мыслях, и в словах.

За тающей кромкой

Дрожащая зыбкость апреля
Несмело коснулась меня.
И стало мне сразу теплее,
Хоть не было рядом огня.

Пленительной нотою томной
То чувство наполнило грудь.
И я ей внимала покорно.
Была в ней не то чтобы грусть,

А что-то, звучащее тонко,
Зовущее в мир голубой,
Который за тающей кромкой
Сливается с новой весной.

Весенний воздух

О этот воздух, головокружительный,
Которым всё пропитано весной!
Его разливы пением пленительным
Пронзают птахи на манер на свой.

Его взрывают почки, одуревшие
От ласковой весенней теплоты.
Купают в нём листочки, обомлевшие,
Свои новорождённые мечты.

А он опять неповторимо властвует
Над чувствами. Волнуя и пьяня,
Он зазывает, зазывает в странствие
По вешним дням счастливую меня.

Старый клён

Над клёном носятся стрижи.
Не видит их. Какая жалость!
Он, старый клён, своё отжил,
Хоть жизнь повсюду продолжалась.

Вновь землю радует весна
Листвы зелёной половодьем.
Но клён не пробудить от сна
И торжествующей природе.

Заметней на ветвях сухих
Пожухших листьев онемелость.
Внести печальные штрихи
В мир пробуждённый вряд ли смелость

Нашлась бы у кого из нас.
...Застыла я перед картиной,
Не в силах совместить сейчас
То, что в природе совместимо.

Вода забыватья

Какая сила у воды,
Какая сила!
Меня избавить от беды
Её просила.

Плыла по ласковым волнам
Реки утешной,
И вдруг снималась пелена
С души мятежной.

Светлее становилось вновь
И ночью мгlistой.
Моя река, моя любовь,
К тебе, лучистой,

Приду опять с поклоном я.
Позволишь, верно,
Припасть к воде забыватья,
Лишённой скверны?

Русалка

Распрекрасной русалкой
Я к тебе приплыву.
И не будет мне жалко
Грёз твоих наяву.

Уведу в своё царство
Тайн речной глубины,
Где смиришься с лукавством
И моим, и волны.

А коль на берег выйдешь,
Затоскуешь душой,
Бела света невзвидишь,
То — в пучину, за мной!

В заповедных местах

Там на русалочьей неделе
Плескались волны и шумели.
Стонала старая ольха.
С её ветвей неслось: ха-ха!

То было нечисти веселье.
И чайки глупые галдели,
Дивясь невиданным делам:
Такой от нечисти бедлам.

Мне было жутко там немного.
Но я отнюдь не без восторга
Внимала тайнам странных мест,
Где ни души живой окрест.

.....

Ну а сегодня — что за чудо?! —
Такие тишь да гладь повсюду.
Ольха спокойна. И вода —
Совсем другая, чем тогда, —

Течёт смиренно. И — о диво! —
Неподражаемо красиво
Плывут куда-то вдаль по ней
И пара белых лебедей,

И пять коричневых комочков —
Их детки... Позабыв о прочем,
В мечтах плыву за ними вслед —
И благодати края нет.

Воспоминанья

Как странно проявляются во мне
Встревоженной души воспоминанья:
То колыханьем в зыбкой тишине,
То явственным и чутким осязаньем

Мгновений детства, запахов его.
И сердце замирающее ранит
Непостижимой сути волшебство,
Похожее на солнечный орнамент.

И хочется подольше осязать
Куда-то ускользающие нити,
Способные столь трепетно связать
С пленительной наивностью событий.

Озорной дождь

Шлёп, шлёп, шлёп — за окошком дождь,
Как мальчишка беспечный, шалый.
Разбудил меня — ну и что ж!
Может, мне его не хватало?

Может, он оживить пришёл
Озорства моего крупницы?
Ну и ладно, и хорошо...
На мгновенье сомкну ресницы

И представлю: шлёпаю я,
Непокорная всем девчонка, —
Удовольствия не тая,
Вслед за дождиком чётко-чётко.

Капли смело вперёд бегут.
Лужи тёплые по лодыжку...
Как же кстати сегодня тут
Ранний дождь — озорной мальчишка!

Измерение

В другое измерение попала,
И связи нет
Меж тем, что робко в сердце трепетало
Так много лет,

И тем, что в настоящем утвердилось...
Всё — словно сон.
Откуда же, скажите мне на милость,
Явился он?

Так тени заплутавшие приходят
Под стук дождя.
А в жаркий день при солнечной погоде
В глаза глядят

Лишь миражи. И вот передо мною —
Один из них.
Но не коснуться дрогнувшей рукою:
Он только штрих

Иного измерения... И мимо —
Волненья лет!
И только сердце мается незримо:
Был или нет?

Туман

Я подошла к окну в ночи:
Весь двор туман
В свои объятия заключил,
Как великан.

Мне показалось: я плыву
В туманной мгле —
Во сне, а может, наяву —
На корабле.

И свет далёких маяков
Ведёт меня
К пределам новых берегов,
К началу дня...

Шторм

Чайка била крылом, пролетая над морем.
Мне кричала в лицо: «Уходи, уходи!
Разразится здесь шторм человеку на горе».
Эти крики тревогу рождали в груди.

Но застыла упрямо я в оцепененье.
Шторм на море — какой восхитительный вид!
Запоздалым тогда оказалось прозренье,
Что стихия упрямства, увы, не простит.

Подхватила волна с пляжа мелкую гальку,
Свет и тени смешались во мраке сплошном.
Позабить бы вещунью крылатую — чайку...
Но в душе до сих пор продолжается шторм.

* * *

Как я всегда любила море
И гавань спящих кораблей!
Им, погулявшим на просторе,
Конечно, берега милей,

Чем баллы бешеного шторма.
Но снова ждут они, когда,
Умерив норы свой, покорно
В объятья примет их вода...

Я тоже жду: тот миг настанет,
Я поплыву по воле волн.
И тихо скроется в тумане
Мой одинокий, скромный чёлн.

Уйду в неведомые дали,
Шторма меня не устрашат.
Столь долгим было ожиданье,
Что вряд ли я вернусь назад.

* * *

Почему так зависим на свете
От всего, что под небом седым?
Полный штиль нас волнует и ветер,
И минувшего сладостный дым.

Мы зависим от слова и взгляда,
Ощущаем родное плечо...
Но, признаться, я этому рада:
Значит, сердце ещё горячо!

Белая ворона

Больное почти отболело...
Частичка осталась во мне
Вороной нелепою белой
На выжженной зноем стерне.

И криками эта ворона
Пытается словно спугнуть
Всё то, что течёт монотонно,
Тесня равнодушием грудь.

А то, что мечтой ещё дышит,
Держа на плаву и меня,
Всё тянет и тянет на крышу —
К лучам уходящего дня...

Снова

Любое увяданье видеть больно...
Вот отчего-то гибнет мой цветок,
И замираю сердцем я невольно.
Но каждому предписан в жизни срок

Рожденья, увяданья и старенья.
Не изменить законы бытия.
И всё же для души отдохновенья
Ищу я снова в переливах дня.

И вижу новоявленный росточек,
Пробившийся близ жухлого цветка...
И оживает многоцветье строчек
От вдохновенья нового глотка.

Подруге

А помнишь, мы с тобой на подоконнике
Сидели, пили с вишнями компот,
Болтали о твоих, моих поклонниках.
И не было у нас иных забот?..

Казалось: жизнь легка до невозможности,
Ведь чувства не коснулись нас всерьёз.
И не для нас пока решений сложности,
Подушки, ночью мокрые от слёз.

Всё это впереди... Но миг беспечности
Мне памятен так ярко до сих пор,
Когда могли с тобой до бесконечности
Смотреть в окно, неся милейший вздор.

Парк

Мой добрый парк: старинные аллеи,
Скамейки вдоль доверчиво стоят.
В твоих объятьях вновь я молодею,
Теплеет от картин знакомых взгляд.

Вот танцплощадка, что звала, манила
Игрой оркестра, блёстками огней.
Здесь молодость порхала легкокрыло —
Кружилась я в беспечном вальсе с ней.

Фонтан — свиданий трепетных начало —
Восторженными брызгами встречал...
О, как для счастья надо было мало!
Мой милый парк, ты юности причал.

Прощение

Прости меня за силу,
Прости меня за слабость.
Прости, что попросила:
Сними мою усталость.

Усталость от волнений,
От встреч и от разлуки.
Пусть станут откровенней
Твои слова и руки...

И я прощу, ей-богу,
Тебе, что не прощаешь
Мне за тебя тревогу,
Хотя и обещаешь...

Счастье

Ты скажешь: всё хорошо,
Лаская любимым взглядом,
И нас захлестнёт ещё
Шальной волной снегопада.

Продолжат нам петь ветра,
Пронзая до нежной дрожи.
Пусть встретились не вчера —
Друг другу мы всё дороже.

Прорвётся весна в февраль.
И пискнет в окно синица,
Что где-то в пути журавль.
А значит, и счастьем длиться.

Теперь

Благословлю домашний наш уют
И отмету все домыслы и слухи.
Пусть меня любые ливни бьют —
Себя с тобой не мыслю я в разлуке.

Не представляю, что другому я
Смогу поведать радости, печали
И позабыть, как небо и земля
Нас колокольным звоном обвенчали.

Спокойней и уютней на душе.
Но всё никак я не привыкну к чуду:
Конечно, с милым рай и в шалаше,
А мне с тобою рай теперь повсюду.

Гранат

В твоей любви, что я приму, —
Граната спелость.
Тебе доверюсь одному.
И мы, осмелев,

Разделим радость на двоих.
Поманят страстно
Гранатинки в тонах своих
Бордово-красных.

А сок, таящийся внутри, —
Глоток услады —
Мы жадно выпьем. До зари
Не будет слада

С восторгом родственных сердец...
И чудо-утро
Сверкнёт гранатом двух колец
Светло и мудро.

Струны

В моей душе любовь жива,
В ней звонких струн разноголосье...
Но ветер обронил слова:
— Одну струну теперь отбросьте!

Она уже не зазвучит,
Освободивши место грусти.
Задуло огонёк свечи
На судьбоносном перепутье.

О, как мне жаль таких потерь,
Когда, замолкнув, струны рвутся!
И в уголках души теперь
Они уже не отзовутся.

Мост любви

Мост, не знавший разлук,
Словно преданный друг,
Назначает с тобою встречу.
Мост влюблённых сердец,
Где они наконец
Дорогие слова прошепчут.

И сюда же потом,
Побывав под венцом,
Молодые вернутся парой.
Чтобы в счастье помог,
Здесь оставят замок,
Соблюдая обычай старый.

Ты пройди по мосту
И поверишь в мечту:
Он услышит все пожеланья.
И назначит тебе
Самый светлый в судьбе
День с любовью твоей свиданья.

Звезда

Анне Герман

Среди других неугасимо
Горит вселенская звезда.
К ней голос твой неповторимый
Летит сквозь долгие года

Небесной ясностью певучей
И тёплой нежностью земной.
Ты и сама, как добрый лучик,
Созвучна с чистою струной,

С нелёгкой спорила судьбою,
И лился непокорный свет
На путь, пролёгший за тобою
Чредой печалей и побед.

Он, пенъем ангельским озвучен,
Недолог, но так ярок был,
Что со звездой, самой лучшей,
Тебя навек соединил.

«Падает снег»

За окном порошок.
А в домашней тиши
Адамо* мне с пластинки поёт
О таком точно дне,
Где, как в сказочном сне,
Снег легчайший идёт и идёт.

И уже ничего,
Кроме песни его,
Сердце ласково взявшей в полон,
Для меня нет сейчас...
И с грустинкою вальс
Возвратился из прежних времён.

Он кружит над землёй,
Словно снег озорной,
И меня тихо в юность зовёт.
Там, любовью дыша,
Замирает душа
И с пластинки кумир мой поёт.

* Сальваторе Адамо — бельгийский композитор и исполнитель. Его самая популярная песня: «Tombe la neige» («Падает снег»).

Флейта

Звучанье флейты доносилось
Из приоткрытого окна
Такое нежное, что мнилось:
Она в кого-то влюблена.

Быть может, в маленького принца,
Легко игравшего на ней
Мотив, который даже птицы
И ветра вольного вольней?

Пленяла музыка в то лето,
Как только может лишь она.
Была ли влюблена та флейта?
А я, конечно, влюблена!

* * *

Ах, «Ирония судьбы»*, новогодняя!
Сколько видела тебя, как сегодня я!

По твоей подсказке всё повторяется —
Так же кто-то в Новый год вновь влюбляется.

Разведённые мосты снова сходятся.
И стремится сердце к сердцу, как водится...

Предрекать здесь вряд ли кто вдруг осмелится,
Что нашепчет в эту ночь мне метелица.

Только что ты там, судьба, не накручивай,
Я с тобою, милый фильм, верю в лучшее!

Счёт

Поймать и удержать
Восторженную ноту
И словно выше стать,
Богаче не на йоту,

А на огромный мир,
У нас в душе который,
И покорить эфир,
Не знающий повторов,

Не слышавший ещё
Подобного чего-то.
Тогда ничто не в счёт
И по большому счёту!

* * *

Я знаю: очень далеки
Мои стихи от Ваших.
Как нам не протянуть руки
Сегодня в день вчерашний,

Так не совпасть в стихиях нам.
Вы весь — полёт, безумство.
А я в душе свой строю храм,
Ищу в простом искусство...

Но, может быть, в конце строки
Мы встретимся однажды
И всем преградам вопреки
Сойдёмся в чём-то важном.

В стране чудес

Цветочек аленький*
Из этих мест
Открыл недалнюю
Страну чудес

И всё, чем полнится
Земля сия.
Дано ей вольницы
В нас дух вселять

Простором дышащих
Холмов, лощин.
Ах, что тут слышится?
Земляк, скажи!

Векам напыщенным
Не заглушить
Идей Радищева.
И вечно жить

Стихам Давыдова:
Орлом парил,
Судьбой завидною
Нас восхитил.

Легенды местные
В полон берут.

Цветы чудесные
Вокруг цветут.

Страна недалняя
Не меркнет пусть.
Цветочек аленький
Мы помним, Русь!

* Цветок, что произрастает в Радищевском районе Ульяновской области, именуемый диким пионом, или диким маком, местные жители считают тем самым «аленьким цветочком», который дал название известной сказке Аксакова.

У памятника Пушкину

У памятника Пушкину
Поэты собрались.
Стихи читают лучшие,
Где отразилась жизнь.

Слова незримым росчерком
Стремятся к небесам.
И слышит, думать хочется,
Поэтов гений сам.

Листою облетевшею
Осенний сквер шуршит,
Даря свою мятежную
Мелодию души.

Она переплетается
С узорной вязью слов...
И сердцем ощущается
Живая связь веков.

Троицкий парк

Задумчив парк, вобравший тьму событий
И в памяти хранящий столько лиц!
Он стал и для меня теперь открыт
Иного века выцветших страниц.

Сквозь шелест листьев я их шёпот слышу:
Гулял по парку Дмитриев — поэт.
Из этих мест он родом был. И ближе
Здесь чувствую его деяний свет.

Ловлю невольно лёгкое звучанье
Шагов его, любимых им друзей —
Карамзина, Державина. И дальний,
Как эхо, отголосок их речей,

Сливающийся с таинствами парка
И уносящийся куда-то ввысь.
...И мне сегодня отчего-то жалко,
Что мы в веках с поэтом разошлись.

В круговороте

Ф. Тютчеву

Сквозь совершеннейший кристалл
Лучей мы видим преломленье.
В них свет и разум, и волненье —
Всё то, что чувствовал и знал
Или предвидеть мог поэт.
Им отчеканенные строки
О русском слове в дальнем сроке
Иль о России в бурях лет
Врезаются невольно в память.
В круговороте наших дней
Их нет надёжней и верней,
Чтоб даже в малом не лукавить.

Жигули. Село Ширяево

Я повстречалась нынче с вами,
Загадочные Жигули.
И, оказалось, к ликованью
Меня тропинки привели.

Стою как раз посередине
Долин привольных близ вершин,
Что отразились в волжской сини
И гордо замерли в тиши.

Здесь радостно слова поэта
Ширяевца вновь повторю,
Свои — созвучные — при этом
Лишь про себя проговорю.

Душою слившись воедино
С могучей Волгою-рекой,
Представлю Репина картины,
Что здесь творил, забыв покой.

...И в памяти моей так дивно
Слились навеки даль и близь,
Стихи поэта и картины
Художника переплелись.

В последний путь

*Светлой памяти
Михаила Анищенко.*

Когда поэта проводили
В последний путь, посыпал снег.
Он воскресил и сны, и были,
В которых прожил человек.

Они в снежинках этих нежно
Спускались лёгкими с небес,
Вещали нам о неизбежном.
Но и оно теряло вес,

Поскольку слогом первозданным
Ложились где-то сердца близ
И звали, звали в мир пространный,
Поэту продлевая жизнь.

Строка

Грусть моя исповедальная
Незатейливой строки.
Я тебя, как эхо дальше,
Как туман, смахну с руки,

Что подвластна сердцу нежному,
Очарованному вновь
Этой осенью безгрешною,
Возвратившею любовь.

Нитью свяжутся единою
Осень, сердце и рука.
И откроет радость дивную
Возрождённая строка!

Два причала

С небес на Землю величаво
Нисходят свет и благодать.
Земля и небо — два причала,
Где суждено нам побывать.

Причал Земли непостоянен.
Но как же им не дорожить?
Ведь у него такие грани,
Что не пресытят жажду жить.

А небеса влекут подспудно
И тайной манят вековой...
Но входим в них не безрассудно,
А только с грани роковой.

Содержание

Возрождённая строка	3
Стёжка.....	10
Земля	11
Воробышек	12
Царь	13
Пропась.....	14
Дошёл до Берлина	15
Среди ветров полярных	16
Сказ о Волге.....	17
Самара.....	18
Надежда.....	19
Звуки детства	20
Пока будет можно	21
Слёзы.....	22
Дети	23
Старики	24
Святой источник.....	25
Крещенская ночь.....	26
Купель	27
Вербное.....	28
Медовый спас.....	29
Знамение.....	30
Подорожник	31
Травы детства.....	32
Облака.....	33
Ночной дождь	34
Сверчок.....	35
Зной	36
Запах.....	37
Утренний кофе	38
Пион	39
Лето.....	40

Второе дыхание.....	41
Яблоки.....	42
Звездопад.....	43
Полоска света.....	44
Дуб.....	45
Август.....	46
Осенняя вязь.....	47
Дожди.....	48
«С чего-то расплакалась осень...».....	49
«На минуту представлю, что всё хорошо...».....	50
Забвенье.....	51
Всё хорошо.....	52
Напоследок.....	53
Ноябрь.....	54
«Морозы грянули...».....	55
Первый снег.....	56
Тайна января.....	57
Февраль.....	58
Зимний день.....	59
«А февраль-то выдался морозный...».....	60
«И опять зимним играм азартно...».....	61
В дороге.....	62
Цветы на окошке.....	63
Снегири.....	64
В мартовскую метель.....	65
Весеннее пробуждение.....	66
Март – апрель.....	67
«Разнообразием нестрогим...».....	68
За тающей кромкой.....	69
Весенний воздух.....	70
Старый клён.....	71
Вода забывать.....	72
Русалка.....	73
В заповедных местах.....	74
Воспоминанья.....	75
Озорной дождь.....	76
Измерение.....	77

Туман.....	78
Шторм.....	79
«Как я всегда любила море...».....	80
«Почему так зависим на свете...».....	81
Белая ворона.....	82
Снова.....	83
Подруге.....	84
Парк.....	85
Прощение.....	86
Счастье.....	87
Теперь.....	88
Гранат.....	89
Струны.....	90
Мост любви.....	91
Звезда.....	92
«Падает снег».....	93
Флейта.....	94
«Ах, «Ирония судьбы», новогодняя!...».....	95
Счёт.....	96
«Я знаю: очень далеки...».....	97
В стране чудес.....	98
У памятника Пушкину.....	100
Троицкий парк.....	101
В круговороте.....	102
Жигули. Село Ширяево.....	103
Душа.....	104
«Ты, подданная русских захолустий...».....	105
В последний путь.....	106
Строка.....	107
Два причала.....	108

Литературно-художественное издание

Надежда Николаевна Чванова

ГРУСТЬ МОЯ ИСПОВЕДАЛЬНАЯ

Стихи

Редактор — *Олег Алексеевич Портнягин*

Компьютерная вёрстка — *Александр Громов*

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.09.2014. Формат издания 60x90/16.

Объём 7 печ.л. Гарнитура Georgia .

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82

e-mail: izdatkniga@yandex.ru